

Ключевые идеи русской языковой картины мира

Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или «языковую картину мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов, или предписаний (таких как, например: *хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует*), и навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

Почему говорящий на данном языке должен обязательно разделять эти взгляды? Потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде; человек принимает их на веру, не задумываясь, и часто даже сам не замечая этого. Пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив, те смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в тот общий фонд представлений, который формирует языковую картину мира. Так, из русской поговорки *Любовь зла, полюбишь и козла* нельзя сделать никаких выводов о месте *любви* в русской языковой картине мира, а лишь о том, что *козел* предстает в ней как малосимпатичное существо.

Владение языком предполагает концептуализацию мира. При этом конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные.

Так, для носителей русского языка кажется очевидным, что психическая жизнь человека подразделяется на интеллектуальную и эмоциональную, причем интеллектуальная жизнь связана с *головой*, а эмоциональная — с *сердцем*. Мы говорим, что у кого-то *светлая голова* или *доброе сердце*; запоминая что-либо, *храним* это в *голове*, а *чувствуем* *сердцем*; переволновавшись, хватаемся за *сердце*. Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что для носителей некоторых африканских языков вся психическая жизнь может концентрироваться в печени, они говорят о том, что у кого-то «умная печень» или «добрая печень», а когда волнуются, подсознательно чувствуют дискомфорт в печени. Разумеется, это связано не с особенностями их анатомии, а с языковой картиной мира, к которой они привыкли.

Наиболее важные для данного языка идеи повторяются в значении многих языковых единиц и являются поэтому «ключевыми» для понимания картины мира.

«Как ты ко мне относишься?»

Один из ключевых сквозных мотивов русской языковой картины мира — это внимание к нюансам человеческих отношений. Специфическим является само слово *отношение* <кого-то к кому-то> и *отношения* <между двумя людьми>; особенно трудно поддается переводу глагол *относиться* (в соответствующем значении). *Отношение* одного человека к другому — это часть его внутренней жизни, которая может в чем-то проявляться, но может и не проявляться, не теряя при этом своего экзистенциального статуса. При этом фраза *Как ты ко мне относишься?* — это не только практикуемый среди подростков способ вынудить признание в любви, но также явный или скрытый сюжет весьма значительной части разговоров на русском языке, начиная от классического вопроса русского пьяницы *Ты меня уважаешь?*

Одним из способов реализации человеческих отношений является общение. Надо сказать, что сами слова *общение* и, особенно, *общаться* в русском языке устроено существенно иначе, чем их аналоги в западных языках. Общение в русской языковой картине мира — это занятие, локализованное во времени и в пространстве, ср.: *Что делает Маша? — Она сейчас в соседней комнате общается по телефону с Петей*. Общение — это процесс, к которому применим богатый арсенал средств нюансировки способов его протекания, представленный в русском языке различными «способами глагольного действия»: *пообщаться полчаса, прообщаться весь вечер*; в разговорном языке возможны также: *наобщаться вдоволь, дообщаться (сейчас она дообщается по телефону и придет)*, а также несколько вульгарное *общнуться*.

Общаться по-русски значит что-то вроде ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта с этим человеком’. Слово *общаться* содержит, кроме того, положительно оцениваемую идею непрактичности, бесцельности этого занятия и получаемых от него *удовольствия* или *радости*, ср. *радость общения; ты получишь большое удовольствие от общения с ними* и т. п.

В числе речевых навыков, необходимых при *общении*, человек осваивает то или иное количество «ласкательных обращений». Может показаться, что ласкательные обращения как таковые мало содержательны, что все зависит от того, какое чувство вкладывает в них говорящий, как, когда, с какой интонацией он их произносит. Многие из них, например, *дорогой/милая*, легко утрачивают интимный характер и употребляются по отношению к малознакомым людям, что, правда, иной раз вызывает их раздражение.

Среди русских ласкательных обращений есть одно, которое стоит особняком. Это одно из главных и, несомненно, наиболее своеобразное русское обращение — *родной, родная* (у него есть вариант *родненький* и еще ряд производных). В основе слова *родной* лежит совершенно особая идея: я к тебе так отношусь, как будто ты мой кровный родственник. За пределами славянских языков трудно найти что-нибудь похожее. Оно отличается от других обращений в первую очередь даже не столько «градусом», сколько особым эмоциональным колоритом. *Родной, родная* выражает не столько романтическую влюбленность или страсть, сколько глубокую нежность, доверие, ощущение взаимопонимания и душевной близости. Так, в фильме «Друзья и годы» по сценарию Л. Зорина одна из героинь обращается к любимому человеку: «Родной!» — и потом, как бы прислушавшись к себе, с облегчением и радостью говорит: «Ты действительно родной!» За этим стоит не только то, что он (в отличие от другого, «отрицательного» героя) не побоялся полюбить дочь «врага народа», но и то, что, встретившись после долгой разлуки, он и она по-прежнему понимают друг друга с полуслова, им легко вместе, они могут болтать о любых пустяках и при этом их беседа полна сокровенного смысла. И еще она явственно ощущает, что он стал неотъемлемой частью ее мира, как бы частью ее самой (ср. цветаевское *ты, что руки мне родней*).

Хотя *родной* гораздо меньше, чем другие любовные слова, связано с эротикой, степень интимности этого слова выше, чем у стандартных любовных обращений *милый* или даже *любимая*. Оно едва ли уместно в начале романа, даже если уже могут быть произнесены два других слова. А некоторые люди утверждают, что вообще не имеют слова *родной* в своем любовном лексиконе, так как оно кажется им шокирующе откровенным. Кроме того, в отличие от большинства ласкательных обращений, которые выражают лишь собственную эмоцию говорящего, *родной* скорее всего предполагает симметричность в отношениях: едва ли может быть *родным* человек, который тебя *родным* не ощущает.

Поскольку в слове *родной* на первом плане не факт родства, а ощущение органической связи, это слово свободно употребляется и для описания отношения к людям, не являющимся кровными родственниками. Для русского языка *родными* можно *стать*. В любви возможна и

безграничная телесная близость, и слияние душ, и максимальный уровень взаимопонимания, ср.:

Раз Катя даже заплакала, — а она никогда не плакала, — и эти слезы вдруг сделали ее страшно родною ему, пронзили его чувством острой жалости и как будто какой-то вины перед ней.

(И. Бунин, *Митина любовь*)

Можно было бы допустить, что слово *родной* — просто случайная причуда русского языка, если бы метафора кровного родства не была представлена чрезвычайно широко и в ассортименте русских разговорных и просторечных обращений к незнакомым людям. За пределами славянских языков вряд ли отыщется такое изобилие подобных обращений: *отец, папаша, мать, мамаша, сынок, дочка, сестренка, браток, брат, братцы, тетка, дядя, дед, бабушка, бабуля, внучка* и т. д. Даже в стертом, ритуальном употреблении термины родства создают своеобразный эффект. Вступая с собеседником в квазиродственные отношения, говорящий не оставляет ему выбора: назначая человека, например, своим *дядей*, он сам как бы временно становится его племянником и ожидает от него суррогата соответствующих чувств. Этим он дружелюбно посягает на внутренний мир адресата обращения. Эта навязанная задушевность не всегда приятна; поэтому, например, в ответ на обращение *мамаша* довольно часто можно услышать: «Сынок нашелся!»

Обезоруживающая, возникающая на пустом месте доверительность родственных обращений, особенно некоторых из них, например *сестренка* или *отец*, — совершенно особое явление. Исключая заигрывание, они все же звучат весьма интимно. Этим они отличаются от фамильярных обращений типа *милая* или английского *sweetheart* по отношению к незнакомым людям, которые хотя и сокращают дистанцию против воли адресата, но не диктуют ему его собственную ответную интонацию, а всего лишь простодушно выражают симпатию говорящего, ничего не требуя взамен.

Итак, для русской культуры родственные отношения обладают не только огромной ценностью, но и чрезвычайной эмоциональной насыщенностью. При этом любовь к своим совершенно не сопровождается равнодушием или недоброжелательством по отношению к чужим. Напротив того, родственная теплота служит образцом доброго отношения к людям вообще. Здесь русский язык подтверждает традиционное представление о широте и щедрости русской души.

Внимание к нюансам человеческих отношений проявляется и в том, что в значении многих русских слов сквозит образ человека ранимого, чувствительного до мнительности. Так, весьма характерными для русского языка являются труднопереводимые слова *попрекнуть* (*попрекать*) и *попрек*. Они употребляются при описании ситуации, когда некто, сделав в прошлом что-то хорошее кому-либо, считает, что теперь он имеет право ожидать от этого человека ответных благодеяний, послушания или просто постоянных изъявлений благодарности. Поэтому он напоминает благодетельствованному о своих подарках, жертвах и т. п. Часто, оказывая такое моральное давление, «благодетель» даже не преследует никакой материальной цели, а просто хочет, чтобы его подопечный «чувствовал».

Попрек несет на себе печать близких, часто семейных отношений, причем попрекаемый обычно уже и так находится в униженном или зависимом положении, *попреки* делаются как бы «сверху вниз». Так, родители иногда *попрекают* детей тем, что отдали им лучшие годы жизни. Поэтому *попреки* тешат тщеславие попрекающего и больно бьют по самолюбию попрекаемого.

Особенно интересно и показательное использование этих слов в диалоге, при «выяснении отношений». Обвинение в *попреке* — безотказное оборонительное средство, позволяющее человеку из обвиняемого превратиться в обвинителя. Любое напоминание или просто упоминание о сделанном в прошлом добре может при недоброжелательной

интерпретации быть названо *попреком*. В этом слове столь сильна отрицательная оценка, что человек, когда ему говорят: *Попрекаешь?! —* немедленно начинает оправдываться, а иногда, услышав такое обвинение, сразу капитулирует и просит прощения, как в диалоге матери с сыном из повести И. Грековой:

— *Молод ты еще курить. Сам заработай, тогда и кури.*

— *А, ты меня своим хлебом попрекаешь? Ладно же! Хватит! Не буду у тебя есть!*

— *Прости меня, Вадик. Виновата. И кури, пожалуйста, только не вредничай.*

Наличие в русском языке глагола *попрекнуть* и соответствующего существительного *попрек* не должно быть истолковано как свидетельство особенной склонности русских к унижению ближнего, к тому, чтобы *попрекать*. Как раз наоборот, оно свидетельствует о том, что, с точки зрения отраженных в русском языке этических представлений, человек должен великодушно избегать высказываний, которые могут выглядеть как *попреки*, и, сделав кому-то добро, не напоминать ему об этом.

Идея недопустимости *попреков* чрезвычайно органично вписывается в закрепленную в русском языке систему этических представлений. Главный критерий положительного для русского языка — мера искренности и бескорыстия. Представление о *попреках* вносит новый штрих в эту картину. Оказывается, что, даже сделав нечто хорошее от всей души и без всякой задней мысли, человек может потом все перечеркнуть, бестактно напомнив о сделанном добре. И чем больше хороших поступков человек совершает, тем в каком-то смысле уязвимее его положение, потому что он все время рискует каким-нибудь неосторожным словом навлечь на себя обвинение в *попреках*. Можно сказать, что рисуемая русским языком картина вполне аналогична евангельской идее, что, когда человек делает добро, его левая рука не должна знать, что делает правая. Иначе он невольно может оказаться лицемером.

Русский язык особенно строг в этом отношении, ибо в нем совершенно отчетливо проявляется представление о том, что сделать хорошее, а потом *попрекать* — хуже, чем вовсе не делать хорошего или даже делать плохое. В русском языке немного слов, в которых отрицательная оценка была бы столь же убийственной, как в слове *попрек*. В полном соответствии с этим представлением Анна Каренина говорит:

— *Человек, который попрекает меня, что он всем пожертвовал для меня, — это хуже, чем нечестный человек, — это человек без сердца.*

Чувство справедливости

В книге «Россия в обвале» А. Солженицын вслед за многими другими авторами отмечает следующую особенность русского мировосприятия:

Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: да разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? ведь все они непохожи друг на друга. Тут — и явная подкупность многих, кто вершит закон. Но вместо правосознания в нашем народе всегда жила и еще сегодня не умерла — тяга к живой справедливости.

Противопоставление *справедливостизаконности*, которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно. Характерна следующая история, опубликованная о. Михаилом Ардовым в книге «Легендарная Ордынка» и наглядно иллюстрирующая противопоставление между живым чувством Радищева, возмущенного несправедливостью, и формально-юридической реакцией императрицы Екатерины II:

Гумилев рассказывал нам, что где-то в архиве хранится экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» с пометками Императрицы Екатерины II.

— *Радищев описывает такую историю, — говорил Лев Николаевич. — Некий помещик стал приставать к молодой бабе, своей крепостной. Прибежал ее муж и стал бить барина.*

На шум поспешили братья помещика и принялись избивать мужика. Тут прибежали еще крепостные, и они убили всех троих бар. Был суд, и убийцы были сосланы в каторжные работы. Радищев, разумеется, приговором возмущается, а мужикам сочувствует. Так вот Екатерина по сему поводу сделала такое замечание:

— *Лапать девок и баб в Российской империи не возбраняется, а убийство карается по закону.*

Отметим, что в этой истории Екатерина воплощает подход, непривычный на русский взгляд, хотя и не лишенный здравого смысла и привлекательности. Обычно же в случае противоречия между законом и справедливостью в русской культуре непосредственное чувство на стороне справедливости. Одна из особенностей русской культуры состоит в том, что в ней справедливость относится к сфере эмоционального: в русском языке есть *чувство справедливости*.

С другой стороны, *справедливость* может восприниматься как ценность низшего уровня. Человек, добивающийся справедливости, может оцениваться либо как бездушный, либо как мелкий — а это для русской языковой картины мира звучит как приговор.

Так, свое время В. Ходасевич отозвался на тяготы эмигрантской жизни следующим пятистишием:

*Кто счастлив честною женой,
К блуднице в дверь не постучится,
Кто прав последней правотой,
За справедливостью пустой
Тому неместно волочиться.*

Здесь под «блудницей» — *пустой справедливостью* — понимается людское признание, деньги, заслуженная слава. Над этими суетными ценностями стоит *последняя правота*, которую художник ощущает за собою.

Для русской языковой картины мира характерно представление, в соответствии с которым гораздо выше *справедливости* доброта и милосердие. Ср. следующий диалог:

— *Что может быть важнее справедливости?*

— *Важнее справедливости? Хотя бы — милость к падшим.*

(С. Довлатов, Соло на ундервуде)

Таким образом, в русской языковой картине мира оценка *справедливости* двойственна. *Справедливость*, вообще говоря, ниже *милости*, но может и не противопоставляться *милости*. Это связано с особым представлением о *несправедливости*.

Человек чрезвычайно болезненно воспринимает, когда по отношению к нему или к кому-то, кому он сочувствует, проявляется *несправедливость*. Причем очень важно, что о *несправедливости* часто говорят не в смысле банального неправильного распределения благ, а в смысле недополучения человеком тепла, внимания, любви. Пока *справедливость* основана на объективности, беспристрастности, это ценность низшего уровня. Но она начинает восприниматься как высшая ценность, когда пропитывается чувствами, прежде всего болью за человека *обиженного*, пострадавшего от *несправедливости*. Специфика русской языковой картины мира не в том, что в ней противопоставлены «закон» и «милосердие» — это общее место для христианской культуры в целом. Особенность русского взгляда на вещи, отраженного в русском языке, состоит в том, что наряду с законом и милосердием в нем представлена *справедливость*, которая гораздо важнее закона, но мелочь по сравнению с подлинными духовными ценностями. Однако соединяясь с чувством и душевной болью, *справедливость* повышается в статусе и попадает в один ряд с *милосердием* и *правдой*:

*А душа, уж это точно, ежели обожжена,
Справедливей, милосерднее и праведней она.*

(Булат Окуджава)

В русском языке имеется целый ряд концептов, относящихся к разным жизненным сферам, объединенных идеей справедливости. Один из них — это концепт упомянутого выше специфически русского чувства *обиды*.

Обида — это жалость к себе, соединенная с *претензией* к другому. Обида возникает в том случае, когда другой человек оказал мне недостаточное внимание (не справился о здоровье), проявил неуважение (пренебрег моим мнением или просто выразил низкую оценку моих достоинств — например, талантов), недоверие (не рассказал мне чего-то важного, не поручил трудного дела, не поверил моему обещанию и т. п.).

Здесь имеется еще одно очень важное звено. Недостаток уважения может быть, конечно, выражен прямо («А ты помолчи, тебя не спрашивают» или даже просто «Ты дурак»), но гораздо чаще это является результатом вывода, который производится адресатом «обидного» поступка или высказывания: это то, что «обидчик» *хотел сказать* своим высказыванием, то, *о чем говорит* его поступок. Этот вывод производится на основании общих законов коммуникации, но с точки зрения склонности и готовности его производить люди сильно различаются (соответственно, люди делятся на более и менее «обидчивых»).

Обида предполагает одновременность двух различных — и противоречащих друг другу — взглядов на вещи. Она существует лишь до тех пор и в той мере, в какой существуют оба эти взгляда; как только один из них пропадает (т. е. пропадает стереоскопичность), не остается места и для обиды. Два противоречащих друг другу взгляда — это что «обидчик» меня «любит» и что он меня «не любит» или что его негативное мнение обо мне «справедливо» и «несправедливо».

Так, если я считаю чужое негативное мнение обо мне просто не соответствующим действительности и оно нисколько не заставляет меня усомниться в моих достоинствах, то я и не обижусь. Обида возникает только в том случае, если это «несправедливое» (= неправильное) мнение показалось мне отчасти «справедливым» (= правильным) — и длится до тех пор, пока эти оба мнения в моем сознании сосуществуют. Если же в результате я пришел к выводу, что «обидчик» был прав, то мое состояние уже не может быть названо обидой (это может быть огорчение, горе, отчаянье, депрессия или злоба, но не обида). Ср. следующий пример из «Мастера и Маргариты»:

— *Слава те господи! Нашелся наконец хоть один нормальный среди идиотов, из которых первый — балбес и бездарность Сашка!*

— *Кто этот Сашка-бездарность? — осведомился врач.*

— *А вот он, Рюхин! — ответил Иван и ткнул грязным пальцем в направлении Рюхина. Тот вспыхнул от негодования.*

«Это он мне вместо спасибо! — горько подумал он, — за то, что я принял в нем участие! Вот уж, действительно, дрянь!»

<...>

Настроение духа у едущего было ужасно. Становилось ясным, что посещение дома скорби оставило в нем тяжелейший след. Рюхин старался понять, что его терзает. <...> Что же это? обида, вот что. Да, да, обидные слова, брошенные Бездомным прямо в лицо. И горе не в том, что они обидные, а в том, что в них заключается правда.

Фраза *Горе не в том, что они обидные* означает, что обнаружившийся в этих словах «недостаток любви» к нему со стороны Бездомного — это еще не главное, что огорчает Рюхина: более всего огорчает его сознание собственной бездарности. И здесь уже места для обиды не остается.

Чувство *обиды* кажется нам настолько естественным и повседневным, что мы с удивлением обнаруживаем отсутствие точного эквивалента этому слову, например, в английском, французском или немецком языке. Действительно, такие слова, как англ. *to offend, offense*, франц. *offenser, offense*, нем. *beleidigen, Beleidigung*, иногда приводимые в словарях в качестве перевода слов *обидеть/обида*, на самом деле имеют значение, соответствующее русскому *оскорбить, оскорбление*, т. е. заключают в себе совсем иной концепт, в центре которого находится представление не о справедливости, а о чести.

Еще более специфичным, чем *обидеться/обида*, является русское слово *обидно*. Если слово *обидеться* описывает отношение обиженного к «обидчику», то в *обидно* акцент перемещается на состояние обиженного. Чувство, называемое словом *обидно*, возникает, когда подвергается унижению, осмеянию или просто недооценивается что-то данному человеку дорогое. *Обидно* в конструкции с подчиненным инфинитивом совершенного вида (*Как обидно заболеть в первый день каникул!*) имеет несколько иное значение и сближается с другим труднопереводимым словом *угораздило*. Слово *обидно* переводится на западные языки лишь в той мере, в какой оно синонимично *жалко* (англ. *it's a pity*, франц. *c'est dommage*, нем. *Schade*, итал. *peccato* и т. д.). Не менее специфичными и с трудом поддающимися переводу являются слова *совестно/неудобно*, связанные со словом *обидно* семантикой щепетильности.

Непредсказуемость мира

Еще одной важной составляющей русской языковой картины мира является представление о непредсказуемости мира: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на него. В русском языке есть огромное количество языковых средств, призванных описывать жизнь человека как какой-то таинственный (природный) процесс. В результате создается такое представление, что человек не сам действует, а с ним нечто происходит. А мы только оглядываемся вокруг и разводим руками: *так сложилось (вышло, получилось, случилось)*. Мы досадуем: *вот угораздило!* — или радуемся: *повезло*. А попав в затруднительное положение, надеемся, что как-нибудь *образуется*.

Надежда на благоприятное стечение обстоятельств и благоволение высших сил может быть свойственна людям независимо от того, на каком языке они говорят, и было бы преувеличением сказать, что «западный» человек во всем полагается только на себя. Более того, именно вера в удачу была положена в основу американской цивилизации. Фортуна может улыбнуться каждому: вспомним десятки фильмов о Золушках, покоровивших Голливуд, и множество историй о миллионерах, начинавших свою карьеру с десятью центами. Трудно сказать, по какую сторону океана с большим энтузиазмом покупают лотерейные билеты. Специфика русского мироощущения в другом. Она сконцентрирована в знаменитом русском *авось* (надо сказать, что как раз это слово в современной речи употребляется редко и обычно с оттенком самоиронии). О человеке, который покупает лотерейный билет, не говорят, что он действует *на авось*. Так скорее скажут о человеке, который не чинит крышу, готовую обвалиться, или строит атомную станцию без надлежащей системы защиты: «Авось, ничего». Вопреки разуму он надеется, что ничего плохого не случится — что *обойдется* или *пронесет*. Так, в повести А. Солженицына «Раковый корпус» мальчик Дема готов отказаться от операции, говоря: «Да на авось. А может само пройдет!» При этом его более рационалистически настроенный собеседник Вадим Зацырко возражает: «Нет, Дема, на авось мостов не строят. От авосья только авоська осталась. Рассчитывать на такую удачу в рамках разумного нельзя».

Идея, что будущее непредсказуемо, выражается не только в знаменитом русском *авось*. Она также входит в значение ряда специфических слов и выражений, связанных с идеей вероятности, — таких как *а вдруг?*, *на всякий случай*, *если что*. Все эти слова опираются на представление о том, что будущее предвидеть нельзя; поэтому нельзя ни полностью

застраховаться от неприятностей, ни исключить, что вопреки всякому вероятно произойдет что-то хорошее.

С другой стороны, идея непредсказуемости мира оборачивается непредсказуемостью результата — в том числе, собственных действий. Русский язык обладает удивительным богатством средств, обеспечивающих говорящему на нем возможность снять с себя ответственность за собственные действия: достаточно сказать *мне не работается* вместо *я не работаю* или *меня не будет завтра на работе* вместо *я не приду завтра на работу*, употребить слово *постараюсь* вместо *сделаю* не *успел* вместо *не сделал*. Целый пласт слов и ряд «безличных» синтаксических конструкций, в которых они употребляются, содержит идею, что с человеком нечто происходит как бы само собой, и не стоит прилагать усилия, чтобы нечто сделать, потому что в конечном счете от нас ничего не зависит. Наиболее распространенной является конструкция с дательным падежом субъекта: <мне> *удалось, привелось, довелось, пришлось, случилось, посчастливилось, повезло*. К ней близка конструкция, в которой субъект обозначается именем в родительном падеже с предлогом *у*: <у меня> *не получилось, не вышло, не сложилось; у меня появилась стиральная машина*. Возможна также конструкция с винительным падежом субъекта: <меня> *угораздило*.

Представление о том, что нечто происходит с человеком «как бы само собой», столь укоренено, столь естественно для русской языковой картины мира, что оно может выражаться не только полнозначными словами и синтаксическими конструкциями, но также и специальными словообразовательными моделями, например: *зачитался, заработался, засиделся* в гостях — и поэтому не сделал чего-то, что должен был сделать, но как бы не по своей воле, и, тем самым, не по своей вине.

В случае, когда человек не сделал того, что от него ожидалось, он может также воспользоваться изящной формулой *не успел*, как герой Довлатова: «Я забыл спросить, как ты добралась? Вернее, *не успел*». Конечно, *не успел* — совсем другое дело, чем *забыл*! Говоря *Я не успел*, человек перекладывает ответственность за несовершенство действия на внешние обстоятельства (недостаток времени), одновременно намекая на то, что прилагал усилия в этом направлении.

Весьма показательна форма *успею*, которая может иметь два почти противоположных смысла. Нормально *успею* значит ‘сделаю, хотя времени мало’. Однако возможен и такой диалог: «Садись делать уроки! — А, успею!», т. е. ‘не буду делать, потому что времени много’. Точно так же фраза *Успеешь!* может выражать совет не торопиться. В крайней форме этот смысл передается беспечным *всегда успею*. С таким *успеть* связано и одно из самых характерных русских словечек — *успеется*. Внем звучат не только легкомыслие и безответственность, но еще и надежда, что если откладывать решение проблемы, то она тем временем как-нибудь сама рассосется и необходимость действовать отпадет. Вот и получается, что человек сначала машет рукой: *Да ну, успею!* — а потом разводит руками: *Ну не успел!* И все как бы не по его вине.

В русском языке имеется еще несколько труднопереводимых глаголов, описывающих специфическое внутреннее состояние человека по отношению к собственному действию: это, прежде всего, слова *стараться* и *собираться*.

Специфика слова *стараться* (*постараться*) особенно хорошо видна на фоне более тривиального *пытаться* (*попытаться*), имеющего эквиваленты в других языках. Например, фраза *Я пытаюсь рано ложиться* всего лишь означает, что я каждый вечер предпринимаю попытку лечь пораньше. А высказывание *Я стараюсь рано ложиться* указывает на наличие общей установки, готовности делать нечто, если к тому не будет серьезных препятствий. Приведем характерный диалог (из очерка Ларисы Сехон):

— Ты верен своей жене? — спросил Джон моего мужа.

— Стараюсь, — ответил мой муж.

— Я тоже стараюсь, — сказал Джон. Глаза его были грустные.

На просьбу купить хлеба по дороге с работы человек может, если он не хочет связывать себя обещанием, ответить *попытаюсь* или *постараюсь*. Говоря *попытаюсь*, человек обещает сделать *попытку*, но сомневается в успехе — например, в булочной может не оказаться хлеба. Между тем, говоря *постараюсь*, человек всего лишь сообщает, что он в принципе готов предпринять усилия для осуществления этого действия, однако не обещает расшибиться в лепешку — ему могут помешать различные внешние обстоятельства, в том числе его собственное нежелание делать кряк или стоять в очереди. Форма *постараюсь*, таким образом, — это нечто вроде ослабленного обещания. Что, например, имеет в виду герой Ю. Трифонова в следующем диалоге?

— Папа, ты меня извини, но надо как-то с Валентином Осиповичем... Ты уж соберись, хотя я знаю, удовольствие небольшое...

— Я поговорю. Постараюсь.

— Нет, ты уж не тяни.

Вообще говоря, нелегко объяснить иностранцу, что значит *постараться поговорить*. Характерна также последняя реплика — это реакция на слово *постараюсь* как на выражающее нежелание приступить к выполнению просьбы. На самом деле это так и есть: поскольку старание (в отличие от попытки) не предполагает никаких осязаемых действий, а, возможно, лишь какие-то ненаблюдаемые внутренние усилия (в том числе, чтобы *собраться* нечто сделать) — формула *постараюсь* в качестве реакции на просьбу может использоваться как демагогический прием, эксплуатирующий указанную особенность семантики глагола *стараться*.

Главное – собраться

В значении целого ряда русских языковых выражений содержится общее представление о жизни, в соответствии с которым активная деятельность возможна только при условии, что человек предварительно мобилизовал внутренние ресурсы, как бы сосредоточив их в одном месте (как бы *сбрав* их воедино). Чтобы что-то сделать, надо *собраться с силами*, *с мыслями* — или просто *собраться*. В русской речи часто встречаются такие выражения, как *все никак не соберусь* или *собирался, но так и не собрался*.

Слово *собираться* указывает не просто на наличие намерения, но и на некоторый процесс мобилизации внутренних ресурсов, который может продолжаться довольно длительное время и при этом завершиться или не завершиться успехом. *Собраться* — это самая трудная часть дела. Мы говорим: *Наконец собрался ответить на письмо*. А. Баранович-Поливанова вспоминает:

Однажды, когда Надежда Яковлевна появилась у нас дома, мать мужа сказала, что частенько вспоминает Евгения Яковлевича, собирается, но никак не соберется ему позвонить.

— Ведь это так просто — снять трубочку и все.

— Да, конечно, — согласилась с ней моя свекровь, — но как-то не получается.

Хотя глагол *собираться* указывает прежде всего на определенное ментальное состояние субъекта, в нем достаточно сильна и идея процесса, ср.: *Хорошо, что ты позвонила, а то я уже целый час лежу и собираюсь встать*; ср. также: *Распустив волосы, я долго сидела на постели, все собираясь что-то решить, потом закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула* (И. Бунин). Это отчасти обусловлено связью с другими значениями *собираться*. Показательно, что в тех контекстах, в которых идея процесса выходит на первый план, слово *собираться* не может быть заменено на *намереваться*, *намерен* и т. п., ср. **Лежу и намереваюсь встать*.

Процесс, подразумеваемый глаголом *собираться*, отчасти может быть понят как процесс мобилизации внутренних и даже иногда внешних ресурсов (в последнем случае просвечивает другое значение; так, *Собираюсь завтракать* значит не только, что я решил позавтракать, но и что уже начал накрывать на стол). Однако в гораздо большей степени *собираться* предполагает сугубо метафизический процесс, который не имеет никаких осязаемых проявлений. Идея такого процесса составляет специфику русского *собираться* и отличает его как от близких слов русского языка (*намереваться*, *намерен*), так и от его эквивалентов в европейских языках (которые соотносятся скорее с *намереваться*, чем с *собираться*), ср. англ. *to intend to be going to*, франц. *avoir l'intention*, итал. *avere intenzione*, нем. *beabsichtigen*, *die Absicht haben*, *vorhaben*.

Процесс «собираения» при этом сам по себе осмысливается как своего рода деятельность — что дает возможность человеку, который, вообще говоря, ничего не делает, представить свое времяпрепровождение как деятельность, требующую затраты усилий. Ср.:

— *Что ты сегодня делал?*

— *Да вот все утро собирался сесть работать, а потом гости пришли.*

Жизненная позиция, отраженная в глаголе *собираться*, проявляется также в специфическом русском слове *заодно*. Поскольку приступить к выполнению действия трудно, хорошо, когда удастся что-то сделать, не прилагая к этому отдельных усилий: не *специально*, а *заодно*. Побуждая к действию, мы можем сказать: *Ты все равно идешь гулять, купи заодно хлеба*. Человеку, который уже *собрался* пойти гулять, уже совсем нетрудно *заодно* (не надо *собираться!*) сделать еще какое-то дело. С другой стороны, можно сказать: *Сходи за хлебом, заодно и прогуляешься*. Предполагается, что человек соблазнится возможностью без дополнительных усилий (не *собираясь*) получить удовольствие.

Любопытно, что та же установка отражена и в одном из значений русской приставки *за-*, а именно в глаголах типа *зайти* <за хлебом по дороге с работы>, *занести* <приятелю книгу>, *завести* <детей в детский сад по дороге на работу>. Все такие глаголы описывают действия, совершаемое попутно, «заодно», т. е. требующие минимальных усилий для своего осуществления. Мы часто говорим: *Ну, заходи как-нибудь к нам в гости*, *Я к вам как-нибудь зайду (забегу)*. Такое приглашение — в отличие от более «стандартного» *Приходи к нам в гости* — особенно ни к чему не обязывает ни гостя, ни хозяина: когда предлагают *заходить*, приглашаемый может не прийти, а приглашающий может никак не готовиться к его приему. (Наоборот, приглашение на торжественный прием не может быть сделано с использованием глагола *заходить*, разве что в ироническом употреблении: *Заходите ко мне в субботу на день рождения*.) *Зайти к кому-то в гости* в отличие от *пойти в гости* — можно без предварительного приглашения и даже без заранее сформированного намерения. Чтобы *пойти* к кому-то, надо *собраться*, *выбраться* да еще и *добраться*; человек, который *зашел* к кому-то, был от всех этих трудных вещей избавлен.

Трудности, возникающие на этапе перехода от намерения к его осуществлению, наводят на мысль о еще одном концепте, традиционно связываемом с «русским характером»: это *лень-матушка*.

Действительно, лень — важнейший элемент человеческого устройства. Подобно совести, которая ограничивает человека в достижении желаемого, лень ставит пределы вообще всякой активности, заставляя постоянно взвешивать, настолько ли желанна та или иная вещь, чтобы стоило затрачивать усилия. В русском языке много слов на тему лени; ср. *лень* (существительное и предикативное наречие), *лентяй*, *лодырь*, *лоботряс*, *ленивый*, *лениво*, *ленивец*, *разлениться* и др.

Лень отличается от нежелания совершить действие тем, что осознается как некоторое особое состояние. Надо сказать, что онтологическая сущность лени неочевидна, и это проявляется в таксономической размытости существительного *лень*. *Лень* — это, с одной

стороны, состояние, которое, как и многие другие состояния, концептуализуется в языке как стихия, захватывающая человека извне, побеждающая его. Ср. *лень-матушка ододела; лень раньше нас родилась; пришел сон из семи сел, пришла лень из семи деревень; лень нападает, одолевает, лень обуяла* и т. п. С другой же стороны, *лень* — это и свойство человека; ср. *Меня раздражают его лень и глупость*.

Вообще-то *лень* — плохое свойство, которое, как считается, мешает человеку себя реализовать. И некоторые русские слова (*лодырь, лоботряс*) действительно выражают его отчетливо отрицательную оценку. Однако некоторые слова, содержащие идею лени, выражают симпатию, граничащую с нежностью; ср. *ленивец* или название московской улицы — *Ленивка*. Для Батюшкова или Дельвига слово *ленивец* (стандартная рифма для него — *счастливец*) обозначает поэтическую натуру, отринувшую соблазны богатства и карьеры ради мирных утех дружбы и любви. *Лень* воспринимается здесь как состояние, родственное вдохновению и, во всяком случае, помогающее отрешиться от житейской суеты.

В русской культурной традиции вообще можно заметить некоторую неуверенность в осуждении *лени*. Из пословиц видно, что *лень* оценивается отрицательно в основном потому, что *ленивый* человек, отлынивая от работы, перекладывает ее на других. *Лень* же как таковая не вызывает особого раздражения, воспринимаясь как понятная и простительная слабость, а иной раз и как повод для легкой зависти (*Ленивому всегда праздник*). Это представление хорошо согласуется с тем, что чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно. Пословица *Охота пуце неволи* выражает отчужденное недоумение в адрес человека, развивающего бурную деятельность.

Главным *ленивцем* в русской культуре является Обломов. Показательно, что, в отличие от Добролюбова, заклеившего позором «обломовщину», сам Гончаров относится к своему герою двойственно. Его лень приводит к жизненному краху и распаду личности, но он вызывает больше симпатии, чем деятельный Штольц. Обломов воплощает черты, которые традиционно считаются присущими русскому национальному характеру. Сочетания *русская лень* столь же стандартно, как *русская душа*. Заметим, что *русская лень* скорее не вялая, не сонная, а мечтательная. Русские интеллектуалы даже любят признаваться в «обломовщине». Василий Розанов писал: *Я вечный Обломов*. Журналист Максим Соколов в одном из интервью («Итоги», 28.01.97) говорит: *Идея у нас действительно ценится. Но я думаю, что это скорее проявление русской лени. Концепцию складывать легче, нежели наблюдать факты*. Ему замечают: *Вы для многих тоже ассоциируетесь с обломовским типом*. — *Я люблю лежать на диване*, — с готовностью отвечает он.

Русская культура допускает и философское оправдание *лени*. Она не только глубоко впитала комплекс экклезиастических и новозаветных представлений о суете сует, о тщете всякой деятельности и о птицах небесных, которые не жнут и не сеют. Она еще и интерпретировала их как апологию бездеятельности. Русскому человеку очень естественно среди энергичной деятельности вдруг остановиться и задаться вопросом о ее экзистенциальном смысле, как хлопотливый Кочкарев из гоголевской «Женитьбы»: *И спроси иной раз человека, из чего он что-нибудь делает?* В этом контексте бездеятельность может восприниматься как проявление высшей мудрости, а *лень* — чуть ли не как добродетель.

Представление о трудности мобилизации внутренних ресурсов, отраженное не только в словах *собраться/собираться, заодно, лень*, но и в целом ряде труднопереводимых русских слов и выражений (*неохота, да ну!, выбраться* <из дома> и т. п.), возможно, является одним из многочисленных проявлений того, что Н. А. Бердяев называл «властью пространств над русской душой». Прежде чем что-то делать, надо как бы собрать воедино ресурсы, рассредоточенные на большом пространстве. Идея ‘собираения’ того, что было разбросано на большом пространстве, отражена во многих русских выражениях. Кафедральный храм в городе называется *собор*, термин *кафолический* в «Символе веры»

передается как *соборный* (и это дало начало одному из самых специфичных русских концептов — *соборности*); в дорогу мы вещи не пакуем, как носители западных языков, а *собираем*, и это так и называется — *собираться в дорогу*. С «широкими русскими просторами» связано чрезвычайно большое количество труднопереводимых русских слов, начиная с самого слова *простор* (а также такие слова, как *даль*, *ширь*, *приволье*, *раздолье*, и, с другой стороны, *неприкаянный*, *маяться*, *не находить себе места*). Но вопрос о том, как носители русского языка воспринимают пространство и какое влияние *родные просторы* оказывают на язык, — это тема отдельной статьи.